

Алексей Гатапов

Первый нукер

Степные есаулы

РАССКАЗЫ
ПОВЕСТИ
СТАТЬИ

РАССКАЗЫ

ПЕРВЫЙ НУКЕР* ЧИНГИСХАНА

Боорчи подбросил несколько кусков аргала** в тлеющий очаг. Долго раздувал, ползая на четвереньках. Прикрытые белесоватым пеплом угольки закурились густым, тяжеловато-мягким дымом. Дым не попадал в прищуренные его глаза, ласково обтекал темное, обветренное лицо и прямиком тянулся наверх, в круглое отверстие дымохода. Боорчи набрал полные легкие воздуха и изо всех сил протяжно, как из кузнечного меха, подул на краснеющее топливо, и пламя, наконец, вспыхнув, легкими язычками слизнуло с кусков аргала последнюю струю серого дыма. Юрта, погрузившаяся было в вечерний сумеречный покой, вновь озарилась, но теперь уже красноватым, не по-дневному беспокойным, подрагивающим на решетчатых стенах светом.

Боорчи поставил на огонь малый котел, из большого медного кувшина стал наливать ледяную, только что принесенную им из родника воду, и тут услышал, как за войлочной стеной зарычали и наперебой залаяли все три его собаки. Замерев с неполным кувшином в руке, он некоторое время слушал злобный, хриплый лай своих псов.

“На людей лают”, — уверенно решил он и, долив воду, отставил в сторону опорожненную посудину.

Откинув тяжелый полог, Боорчи быстро вышел из юрты. Ночная темь еще не полностью охватила небо. На западе, над чертой темнеющих вдаль холмов теплилась бледная полоска. Ближе, в двухстах шагах, тесно скучившись, мирно пофыркивали полтора десятка его дойных кобылиц с жеребятками. Чуть в стороне чернели три ездовых мерина. Косматый жеребец, почуяв что-то постороннее, замер с высоко поднятой головой, беспокойно поглядывал по сторонам.

Пастушеские псы, рослые, черные волкодавы, одинаково задрав морды, лаяли на юг. Всмотревшись, на дальнем бугре он заметил одинокого всадника. Тот тоже увидел его, шагом тронул коня. Боорчи прикрикнул на собак, и те неохотно

* Нукер — друг (монг.).

** Аргал — сухой коровий или конский помет, используемый степняками в качестве топлива.

замолкли, глухо порыкивая, поплелись в сторону. Он неподвижно стоял на месте, поджидая всадника.

Подъехал высокий худощавый парень на старой, вислопузой кобыле карей масти. Лицо его было незнакомо. Незвращная лошадь, потертое седло с разными стременами, залатанная одежда из звериной шкуры — все говорило о бедности и нужде путника.

— Хорошо ли живете? — голос всадника неожиданно зазвенел чистотой и силой.

— Неплохо, — Боорчи внимательно вглядывался в открытое, уверенно-спокойное лицо незнакомца. — Удачен ли ваш путь?

— С помощью небожителей. Благополучен ли ваш скот?

— Слава Уураг Сагаан Тэнгэри*, беды пока обходят нас, — Боорчи взял коня за недоуздок. — Зайдите в юрту, отдохните с дороги.

Боорчи бросил в котел два толстых отрезка сушеного мяса, снял со стены кожаный мешок, налил в деревянную чашку свежего кумыса. Гость принял чашку обеими руками, произнес юрол об изобилии в его юрте, брызнул несколько капель в очаг и в сторону онгонов**, воздавая им дань почтения, неторопливо отпил.

“Себя держит важно, — Боорчи незаметно поглядывал на гостя, отмечая про себя его повадки. — Не скажешь, что черная кость”.

Помешивая в котле почерневшим от старости деревянным черпаком, он рассказывал гостю о травах в этом году, о прошедшей зимовке, о снегах, что выпали в их урочищах, о том, как, несмотря на частые облавы, размножились волчьи стаи, а сам, храня в себе тревогу, зорко присматривался к нему, гадая, добрые или злые духи привели его.

“Вор, колдун или честный скиталец? — неотвязно крутились мысли. — Вор украдет не сейчас, так потом, колдун наведет порчу нарочно или нечаянно...”

Гость молча слушал, не вступая в разговор. Изредка цокнув языком или хмыкнув невнятно, выражая свое согласие или удивление, отмалчивался.

Возрастом он был примерно равен ему — шестнадцать или семнадцать лет, но ранний след морщины над переносицей и

* Уураг Сагаан Тэнгэри — бог изобилия в бурятском языческом пантеоне.

** Онгоны — деревянные или кожаные изображения богов.

жесткий, недоверчивый взгляд редкого среди монголов серо-зеленого цвета глаз выдавали, что он уже вдоволь познал тяготы и лишения. Несмотря на бедность одежды, оружие было добротное: хороший лук в кожаном хоромго*, полный колчан стрел, мадага** длиной с короткую саблю. Все это гость, соблюдая обычай, оставил перед входом, но Боорчи успел рассмотреть их.

На лице его хорошо проглядывалась усталость от длинного перехода. Видно было, что не один день провел в седле. Взгляд, внешне бесстрастный, равнодушно обходил котел с закипающим варевом, но блеск в глазах и судорожное подергивание глотки выдавали сильный голод.

— Я расседлаю вашего коня, отпущу пастись, а вы присмотрите за мясом, — Боорчи подбросил в огонь куски аргала, поднялся. — Оно почти готово.

На востоке поднималась большая, огненно-красная луна. Боорчи оглядел лошадь незнакомца, понуро дремавшую у коновязи. Старая, лет двадцати с лишним, много раз жеребившаяся кобыла даже не приоткрыла глаза, когда он подошел к ней. Широкие, разбитые копыта не давали ей быстрого хода.

“Не каждый отправится в путь на такой старухе,— думал он, ощупывая остро выступавшую хребтину.— Голодная, до утра далеко не уйдет.— И, слабо спутав ее две левые ноги, отпустил. Потом долго вертел в руках изношенную узду с недоуздом, рассматривая при свете луны. Из двойной хорошей кожи, крепко прошитой тонкими сухожилиями, с множеством дырок — следами металлических украшений — когда-то это была нарядная сбруя.— Что это за человек? — смутная тревога снова толкнулась в груди. — Держится скрытно, молчит. Может, лазутчик? Высматривает, где стоят курени, где табуны пасутся. Проедет потихоньку, а потом нагрянут либо татары, либо меркиты, подобно граду посреди лета, захватят врасплох... На такой лошади? — мелькнуло сомнение и тут же исчезло.— Чтобы не вызвать подозрений!”

Боорчи долго стоял у коновязи, раздумывая. “Будет все так же молчать — так ночью свяжу, а утром приедут братья и увезут его в курень. Там он разговорится”.— Приняв решение, Боорчи шагнул к юрте.

* Хоромго — футляр для лука.

** Мадага — длинный, около полуметра, боевой нож.

Гость сидел, так же неподвижно, задумчиво уставившись на огонь очага. В котле перекипало. Боорчи сел на свое место, помешал варево. Было видно, гость без него не притрагивался к еде.

“Другой семь раз успел бы откусить, — вдруг с невольным уважением подумал он. — Не каждый выдержит, когда кишки сами себя пережевывают”.

Заметив, как гость беззвучно проглотил слюну, он поднялся, взял с полки березовое корытце для мяса, вывалил куски из котла, отрезал от них маленькие кусочки, угостил огонь, первинку попробовал сам и поставил корытце перед незнакомцем.

Тот ел неторопливо. Отрезал мясо остро отточенным лезвием старинного ножа с бронзовой рукояткой, подолгу жевал.

Боорчи только сейчас, глядя на гостя, почувствовал, как в желудке засосало от голода. С раннего утра до сумерек он один пас кобылиц, отец и братья уже второй день были в курене, стригли овец. И будь он сейчас один, накинулся бы на мясо по-волчьи, но при постороннем приходилось сдерживаться. “Я-то каждый день ем досыта, а он в эти дни, видно, одними слюнями питался, аж глотку судорогой сводит, но как держится! — забывая про свои подозрения, восхищался про себя Боорчи. — Не слабого духа парень. Такой в пути не подведет”.

Гость ел, не обращая внимания на него, уйдя в свои мысли, медленно ворочал острыми скулами. Вдруг он отставил корытце, не съев и половины, убрал нож в ножны.

— Почему вы так мало съели? — пораженный, не сдержался Боорчи. — Разве уже насытились?

— Сытый волк теряет сноровку, сытый медведь теряет отвагу, — поговоркой отшутился тот. — Завтра я должен выехать на рассвете.

Боорчи наполнил его чашку горячим супом, осторожно подал ему и снова принялся за мясо. Последние слова гостя снова насторожили его. Хотел, будто отвечая на шутку, с шуткой же спросить, на что ему завтра нужна сноровка, но вовремя сдержался. Истины все равно не получишь, а только спугнешь прямым вопросом. Лучшее сейчас — смотреть и ждать, до утра времени много.

— Меня зовут Тэмуджин, — вдруг сказал гость. — Я сын Есугей-багатура, внук Бартан-нойона, правнук Хабул-хана.

Боорчи едва не поперхнулся от неожиданности. Перед ним сидел прямой потомок первого монгольского хана, о котором сейчас слагают легенды. При Хабул-хане монголы в двух войнах наголову разбили чжурчженей*, захвативших Китай и властвующих там до сих пор. Били и татар, и меркитов. После смерти Хабул-хана монголы ослабли. А отец этого Тэмуджина, Есугей-багатур, имел, пожалуй, чуть ли не самое большое влияние среди нойонов. Есугей сильно отличился в последней войне с татарами, установил крепкий союз с могущественными керейтами. За это старейшины племени прогнали его в ханы, надеялись, что он соберет расплывающийся по швам улус, возвысит знамя монголов. Но он умер молодым. Подлые татары, встретившись с ним в степи, пригласили его к своему костру и нарушили закон гостеприимства: налили ему кумыс с отравой. От Есугея оставалось большое владение: стада и табуны, подданные, нукеры, жены, дети. Имущество и людей его поделили нойоны, а жены с детьми куда-то исчезли. Говорили, что видели их с единственной безрогой коровой где-то на Ононе. Вот какого человека привели к нему сегодня боги — старшего наследника Есугей-багатура! Правду, однако, говорят люди: каким сильным и богатым ни будешь, к бедности и дряхлости будь готов всегда.

Мысли его прервал Тэмуджин:

— Мимо вашего стойбища трое человек прогнали восьмерых соловых мерингов, — после долгого молчания сказал он. — Вы не видели?

Боорчи видел. Ранним утром, еще до восхода солнца, они показались на дальнем западном бугре. И тут же скрылись, да так быстро, что даже собаки не успели заметить их. Он тогда так и подумал: не иначе, ворованных коней гонят, раз избегают встречи с людьми. И масть коней та же, все до одной соловые. Значит, у него те люди угнали коней. Последних. Потому-то он и едет на заморенной кобыле. Но Боорчи раздумывал: сказать или нет? Если потом начнут распутывать это дело, Тэмуджин потянет его как свидетеля. А быть свидетелем — дело и нудное, и опасное. Сородичи воров начнут приезжать к нему, просить, чтобы он назвал другие масти коней, чтобы не опознал их. Будут привозить архи, дарить вещи. А отказ от подарка — явное оскорбление. За этим всегда стоит вражда и месть. Не поддашься на уговоры — могут

* Чжурчжени — народ тунгусского происхождения, в 12 в. захватившие Северный Китай и установившие династию Цзинь.

и убить. Подстерегут где-нибудь на пастьбе и застрелят из лука. А не укажешь воров — этот же Тэмуджин в отместку угонит у него коней. И не найдешь его потом: ни к роду, ни к племени не привязан. Ему что у китайской стены, что в Баргуджин-Токуме кочевать. Боорчи уже решил согрешить ложью и молил духов очага простить ему этот грех, когда почувствовал на себе взгляд Тэмуджина. Проникающий внутрь, все понимающий взор его будто предостерегал: скажи правду, не оскверняй свой очаг ложью. Тэмуджин улыбнулся, окончательно обезоруживая его.

— Видел, — неохотно признался Боорчи. — На рассвете проехали.

— Значит, я отстал на день пути, — Тэмуджин отвел взгляд, снова уставился на огонь. — Они угнали всех моих коней. Я на этой кобыле ездил в лес проверять петли, а то они не ушли бы так далеко.

— Отсюда дальше кочуют меркиты, разбойный народ. Не иначе, это были они. Давно говорят: у меркита конь ворованный, а лук заговоренный.

На этот раз Боорчи соврал, меркиты уже второй год не кочевали вблизи их из-за засухи, скорее всего, это были тайчиуты, что жили в двух днях пути на север. Но надо было, чтобы Тэмуджин повернул обратно: потом не оберешься хлопот из-за их тяжб.

— Кто бы это ни были, я верну своих коней.

— Одному на плохой кобыле не то что с таким делом, в гости к ним соваться опасно.

— Пусть меня первая же молния сразит, если отступлюсь, — Тэмуджин говорил медленно, но слова его с каменной тяжестью давили на слух. — Умру, но не позволю у меня, живого, отобрать принадлежащее мне по праву.

“Такую опасную клятву произносит, не задумываясь! — Боорчи стало не по себе. — Еще навлечет гнев восточного неба на мой очаг”.

— В наше время воровство дело обычное, — тщательно выбирая слова, осторожно начал он. — Часто бывает так, что у кого-то украдут коней, а тот и не ищет их, а собирает друзей, едет на чужие пастбища и восстанавливает свое поголовье, да еще и преумножает.

— А так не должно быть! — вдруг теряя спокойствие, будто задетый за больное, запальчиво воскликнул Тэмуджин. — В степи должен быть порядок, законы тверже стали, охраняющие жизнь и имущество людей!

— Ха-ха-ха, — тоже вдруг теряя должную для хозяина сдержанность, невольно рассмеялся Боорчи и насмешливо оглядел его. “Ты рассуждаешь, как китаец, никогда не живший в степи”, — подумал он, но сказал другое:— Законы у каждого свои и носят их в колчанах и ножнах.

— А почему? — раздраженно перебил его Тэмуджин и тут же сам отвечал:— Потому что нойоны в племенах никчемные. Знают только зверя по тайге гонять да пьянствовать. Пирь и развлечения, да какой бы кусок пожирнее себе урвать — вот чем они озабочены, некогда им о народе думать.

Тэмуджин с таким презрением и скорбью скривил губы, что Боорчи недоверчиво прищурился: может ли быть, чтобы ныне человек так сильно страдал об этом. Да еще такой бедный, хоть и ханской крови.

“Тебе бы лучше подумать, как в будущую зиму с голода не околеть”, — сочувственно оглядывал его Боорчи, отхлебывая приостывший суп из чашки.

— А как же восстановишь порядок? — Боорчи решил до конца выудить мысли гостя: — Кого сейчас судят за преступления? Богатый откупится, ловкий отвертится. Какой-нибудь харачу* попадетсЯ с ворованной овцой, отстегают его плетьюми, заставят отработать, вот и весь закон.

— Закон должен быть как наставленный самострел. Задел ты за нить — стрела сорвется и полетит на тебя. Так и закон должен быть неотвратим: украл один раз — отрубить вору палец, украл второй раз — отсечь руку, в третий раз — голову. Неважно, кто этот вор, нойон или сын нойона, богатый или бедный. Только так восстановится порядок.

— Вора надо еще ухватить за хвост, особенно если он из нойонов.

— В степи должны быть постоянные караулы и разъезды, несущие дозорную службу, — тут же отвечал Тэмуджин.

— А откуда столько людей взять? Нукеры ведь только главную ставку охраняют...

— Сотни от родов должны попеременно выходить на службу, — ответы Тэмуджина были готовы и хорошо обдуманнЫ. Видно было, что эти мысли давно выношены им. — В один месяц одни сотни, в другой — другие.

— А как собрать их? В мирное время все при стадах. Не при своих, так при чужих кусок на зиму зарабатывают. На

* Харачу — черная кость, низшие слои населения.

войну за добычей идут или свой род защитить; а так кто захочет зря по степи носиться?

— За службу должна быть твердая оплата, — и опять без раздумий говорил Тэмуджин. — Воин на службе не должен думать ни о чем другом, кроме службы.

— Где это слыхано, чтобы им еще платили? — недоверчиво усмехнулся Боорчи. — Да и кто на них расщедрится? Нойоны своим нукерам и то, бывает, задерживают плату, чаще нороят с облавной охоты или с военной добычи отдать. А тут тысячи лишних глоток.

— Для этого со всех подданных, имеющих скот, собирать налог — десятую долю в год, — и тут было у него продумано, — платит и богатый, и бедный от поголовья скота, и нойон, и харачу без различия крови. Это немного, если посчитать, сколько у людей теряется от грабителей и волчьих стай. Ведь нередко и половины стад не досчитываются. А караулы будут охранять скот и от зверя, и от человека. Если у тебя угонят коней, ты не погонишься за ними один, как я сейчас, надеясь лишь на свою тень и не зная, вернешься ли обратно живым. Ты поскачешь к ближайшему дозору, тебе выделят воинов и с ними ты пойдешь в погоню. Налегке, на хороших конях да при оружии вы легко настигнете воров и отобьете скот. Если не отобьете, не справитесь — ты освобождаешься от налога, а твою потерю возмещает та сотня, чей дозор не справился с разбойниками. Это заставит их относиться к чужому добру как к своему.

Боорчи молчал, пораженный, перебирая в мыслях слова Тэмуджина. Сказанное гостем изумило его простотой и разумностью. Важные нойоны, почтенные старейшины сетуют на беспорядок в степи, а ничего не могут поделать!

— Но как народ склонить к порядку? Люди привыкли жить по-старому, срослись с дедовскими устоями.

— У них и спрашивать не нужно. Разве пастух пускает овец, куда им захотелось? Оставь их без присмотра, они разбредутся и их съедят звери... За стадо думает и отвечает пастух. И люди подобны стаду. Их нужно силой вести в лучшую сторону, пробуждать у них разум словом и плетью, а если надо, то и копьём и саблей.

— А с чего начать? — Боорчи уже горел нетерпением выведать его мысли. — С какого края взяться? Или с плетью ходить по куреням и начинать учить всех подряд?

— Начинать нужно с войска! Чем сейчас занимаются ну-керы? Овец воруют да архи по айлам* вымогают. Пьянство на службе надо запретить законом. Вне службы разрешить пить не чаще одного раза в десять дней. Нарушителей наказывать плетью, а на рода их налагать повинности.— Выпрямившись, с горящими глазами, Тэмуджин смотрел куда-то мимо него, словно он уже сейчас издавал свои законы.— Дисциплина в сотнях должна быть стальная. Сотники и десятники отвечают за нее своими шкурами! При нарушениях первыми наказывать их, но и дать им большую власть, право самим наказывать, вплоть до смерти. Без страха перед ними не будет порядка. А будет порядок в войске — порядок будет и в народе.

Боорчи постелил гостю седельный потник у правой стены, а сам до утра просидел в полусумраке у тлеющего очага. Изредка подбрасывал кусочки аргала на красные угольки и, подождав, когда вспыхнет огонь, подолгу смотрел на отрешенное в забытии лицо Тэмуджина, бронзово-красное под бликами огня.

До сегодняшнего вечера он не сомневался в своем выборе. Каждый родившийся мужчиной, когда подойдет его время, выбирает свой путь в этом мире и идет по нему до той поры, когда его не призовут к себе живущие на небе. Тропу жизни для себя Боорчи выбрал этой весной и с тех пор не терзался раздумиями, знал, что лучшей доли ему не найти. И сердце его было спокойно. Но забредший сегодня к нему гость своими неслыханными речами как жалкую горсть пепла развеял его, казалось, окрепшую в душе уверенность. И он снова, как полгода и год назад, сидел, обложенный сомнениями: как быть? В какую сторону идти?

Люди и племена бредут по жизни, как по тонкому льду. Каждый всем своим умом и чутьем силится найти прочную основу на этой земле. Для себя, для своего рода. Кто-то внезапно исчезает, не оставив следа за собой. Еще вчера человек был рядом, веселился, рассуждал о будущей зимовке, а сегодня ветер сдувает пепел с его очага. Другие идут дальше, лишь сочувственно оглянувшись на него или даже не оглянувшись. Им нужно, пока не поглотила их такая же участь, пока не иссякли их силы, продолжить свой род, сохранить детей до

* Айл — большая патриархальная семья или группа семей ближайших родственников, ведущих общее хозяйство.

их возмужания, когда у них окрепнут зубы, и они сами смогут идти дальше по своим тропам. Сумел сегодня защититься и выжить — боги тебе помогли — благодари небожителей и наслаждайся счастьем. Но готовься защищаться завтра и послезавтра и через десять лет. Готовь к этому детей, чтобы они сохранили внуков, а те научили защищаться правнуков. Так люди жили и другой жизни не знали.

Говорят, раньше... Да что раньше? Было ли это? Человек всегда с добром вспоминает о прошлом, с надеждой думает о будущем и точит саблю, пополняет колчан. Зорко и внимательно он осматривается по сторонам: не появился ли где враг, нет ли где надежного пристанища хоть на малое время, где можно собраться с силами? Врагов много, тихих уголков для безмятежной жизни мало. Или совсем нет. Но люди не перестают искать...

Отец Боорчи, Нагу Баян, тоже всю жизнь искал твердую опору. Всю жизнь он уворачивался от ударов судьбы, выгадывал, хитрил. Этим и накопил свои стада. Редкие годы в степи проходят без войн и набегов. Сохранить семью и избежать потери своего добра может лишь человек змеиной повадки, звериного чутья, тот, кто может узреть опасность задолго до того, когда она покажет себя, прежде того, как другие почувствуют ее приближение. Таким человеком был его отец Нагу Баян. Когда на востоке зашевеливались татары, он по одному ему известному знаку распознавал близость войны и успевал уючевать на запад, подальше от опасных мест. Когда на севере поднимались меркиты, он выводил свои стада на юг. Умение разгадать тайну завтрашнего дня — вот его оружие. Он не шаман, не владетель тайных знаний, но он умеет думать. Однако этим он нажил себе не только богатство. Черная зависть людей родила эту пренебрежительную кличку “Баян”* и сделала частью его имени. Сильным воинам к именам добавляются звания “багатур”, метким стрелкам — “мэргэн”, тем, кто отличился глубоким умом — “сэсэн”. Отец же удостоился бесславного прозвища и неуважения соплеменников: не в боевых походах и набеге, не удалью и отвагой обрел он свое богатство, а недостойным для мужчины и воина делом — пастьбой скота.

Многих соплеменников отец выручал в голодные зимы, спасая их детей от неминуемой гибели мясом из своих стад.

* Баян — богач (бур.-монг.).

Но люди недолго помнят добро, зависть к чужому богатству намного сильнее чувства благодарности. Лишь страх перед силой рождает благоговение. Никогда к Нагу Баяну люди не относились с таким же почтением, как к нойонам племени, к сотникам и тысячникам, хотя те и не думали делиться с ними ни в какие бескормицы, а наоборот, всегда старались побольше содрать с них “на нужды войска”.

Неуважение соплеменников к отцу с ранних лет больно ударило и по нему, Боорчи. В детских играх сверстники никогда не выбирали его ни сотником, ни десятником потому, что отец его никогда не был ни тем, ни другим. А побыть нойоном — что побыть на небе — нечего было и мечтать, их выбирали из детей настоящих нойонов. С ядовитой завистью смотрел он на маленьких “ханов” и “тысячников”, повелевающих, судящих и наказывающих своих “подданных” за разные провинности. По их приказам провинившихся били сырыми прутьями по голым спинам. Нередко били и его. С муками горького унижения он подчинялся им, исполнял их волю, сносил ругань. Но ослушаться не смел: “хан” прогонит его, отлучит от игр, запретит и другим играть с ним. Умереть, должно быть, легче, чем остаться одному, без права участвовать в играх. Как тяжело и горько взрослому оказаться вне рода и племени, без его защиты и поддержки, так и ребенку плохо без игр со сверстниками. В десять раз лучше быть бесправным, чем отверженным. Когда он был совсем маленький, лет шести-семи, и его чаще всего назначали “пастухом”, поручая пасти нойонских овец, взятых для игр, он, удалившись вместе со стадом подальше, потихоньку глотал слезы, глядя, как другие, сбившись в отряды, с криками носятся по окрестным холмам, выстраиваются в боевые колонны под грохот барабанов и сшибаются в битвах.

Он плакал и презирал себя за это: настоящий мужчина не может плакать, ведь даже женщина считается плохой, если дает волю слезам. Позже, когда он подрос и его стали брать в “воины”, он понемногу стал понимать, как можно выбиться в достойные люди. Ханы и нойоны, да и простые соплеменники уважают сильных и храбрых воинов — багатуров и мэр-гэнов — пусть даже и черной кости. Их реже и меньше наказывают, им больше достается из военной и охотничьей добычи. Ведь именно им боги передают дух победы в битвах, от них и другие заражаются волчьей свирепостью, орлиной яростью. Их уважают во всем народе, в каждой юрте они найдут прием, достойный высокородного нойона.

И Боорчи тайно от всех, со всей яростью своего обделенного детского сердца стал упражняться во владении оружием и в укреплении тела. Едва он оставался наедине, на пастьбе ли скота, в пути ли по степи, лунной ли ночью, светлым ли днем, снова и снова принимался за свое: метал длинную палку вместо копья, махал толстыми прутьями вместо сабель. Таскал на себе годовалых ягнят, а потом и взрослых овец. Стрелял из лука в летящих птиц, в бегущих по степи сусликов. Спать себе стелил не мягкий войлок, а жесткие и колючие мотки волосяных веревок, ложась на них голым телом. Необоримое желание стать сильнее других, внушать людям страх и уважение не отпускали его. Не только в снах, но и наяву мерещились ему звуки битв, звон железа, ржание лошадей и дикие крики людей. Он видел себя нойоном большого войска, мановением властной руки бросающего в кипящее поле сражения сотни и тысячи. Потом, после разгрома врага, он неизменно под торжественный рев всего войска и гром барабанов вырывал сердце из груди вражеского хана и приносил в жертву своему знамени...

От пронизательного отца не укрылось то, как вдруг изменился сын. Сначала с изумлением и любопытством, а потом со все большим одобрением стал он присматриваться к нему, понимая его стремление. Потом отец дал ему хороший лук, стрелы, а однажды подарил лучшего скакуна из своих табунов. Вороной жеребец-пятилеток с гривой до колен и волчьим оскалом страшной морды бросался на людей бешеной собакой, норовя мощной грудью сбить с ног и забить острыми копытами. Месяц прошел, пока Боорчи объезжал своего коня, и тот привыкал к хозяину. Зато теперь у него была лошадь, какой мало кто и из взрослых соплеменников мог похвастаться. Никого из людей, кроме него самого, жеребец не подпускал к себе. Даже отец и братья ни разу не садились на него. Большой радости Боорчи не знал за все свое детство. Он сразу почувствовал, как по-другому стали смотреть на него сверстники и парни постарше. Даже важные дети нойонов при встрече, не решаясь подъехать, с опаской поглядывая на беспокойно пляшущего под ним жеребца, издали кланялись, как равному.

Годам к двенадцати Боорчи уже был одним из первых среди ровесников. На трех мужских играх в ряду юношей мало было равных ему. Особенно силен был он в стрельбе на

скаку; в борьбе уступал многим, но в скачке его длинногривый всегда приходил вторым или третьим.

В тринадцать лет вместе с другими юношами племени Боорчи был принят в воины и впервые участвовал в облавной охоте. Вот тогда-то, на первой в своей жизни облаве, он и показал себя по-настоящему. В первый же день охоты боги послали ему удачу. Еще до начала облавы, когда в предрассветных сумерках вооруженные соплеменники колоннами родовых отрядов по неглубокому осеннему снегу подъезжали к тайге, Боорчи первый у опушки заметил и поразил стрелой зайца. На любой охоте, большой или малой, если первая добыча — заяц, то это верный знак того, что духи-хозяева тайги встречают охотников благосклонно. И тот, кто поймал эту удачу, удостоивается высших почестей, как отмеченный духами. Добыча тогда действительно оказалась необычайно богатой, все, даже самые неудачливые сородичи, нагрузились мясом. Обширная снежная поляна, куда были согнаны звери, стала красной от крови, и с той поры за ней осталось название — Красная. После охоты, когда облавщики разделяли убитых зверей и приносили жертвы богам, первым из хвалебных юролов*, что торжественно возглашают старики в честь лучших охотников, был отмечен он. Это заметно выделило его из толпы остальных юношей. После той облавы уже все соплеменники принимали его как взрослого воина. На собраниях племени он на равных сидел в кругу мужчин, подавал свой голос в общий рев войска — за или против решения нойонов.

Отец его, Нагу Баян, был рад удачам сына, казалось, больше его самого. Умный человек, он сразу оценил всю выгоду от такого поворота: влияние сына среди людей повысит и его положение. Он устал от вечных споров с соплеменниками из-за пастбищ и потрав. Теперь сын будет защитником их добра.

Раньше Нагу Баян сильно раздражался, глядя на сына: не было у того бережливости к вещам, не огорчался он потерям, не радовался находкам. “Боги обделили разумом”, — огорченно думал Нагу Баян. Позже, когда сын стал показывать свое обличье, он, наконец, понял: другое дали ему живущие на небе, и теперь ему один путь — в нукеры, в личный отряд

* Юрол — торжественное поздравление и благопожелание в форме стихов.

нойона. Там он покажет себя; кто знает, если будут благосклонны небожители, может быть, в свое время и сотником станет. А долю его в хозяйстве возьмут младшие братья. Слава богам, те пошли в отца, знают цену и дырявой подошве чужого гутула*.

Для простого айла благо, если кто-то из своих служит у нойона. А для обремененного таким хозяйством — это бесценный дар. Айл нукера имеет право ставить юрту в главной ставке. Одно это — счастье, недоступное многим. В ставке живут достойнейшие семейства, ближайшие родичи нойона. Общаться с ними и соседствовать — большая честь. Уважая сына, люди будут считаться и с ним, Нагу Баяном. Ведь издревле говорится, что отец уважаемого человека уважаем вдвойне! Да и жизнь в главной ставке спокойнее, безопаснее. Расположенная в центре владений, окруженная другими куренями, при смутах и войнах она заведомо получает весть об угрозе и всегда имеет время подготовиться к защите. Всегда рядом главный отряд племени — нукеры, — готовый встретить врага.

“С другой стороны, — размышлял Нагу Баян, — живя в главной ставке, все нужные новости получаешь вовремя: мир или война, откуда и куда пошли торговые караваны — ко всему можно быть готовым заранее. А то и сотника угостишь, а он на кое-какие твои дела глаза закроет. Умному человеку жить в главной ставке — что заиметь крылья!”

Нукер, приближенный воин, получает намного больше, чем простой соплеменник. Ведь ему нойон доверяет самое дорогое: свою безопасность и безопасность своего рода. Когда нойон вдали от дома, очаг его берегут нукеры; когда он бросается в битву, его окружают те же нукеры. Поэтому нукерам — первые доли из добычи, лучшие рабы из пленных, лучшие пастбища для скота! А воспользоваться всем этим благом Нагу Баян уж сумеет сполна.

Когда этой весной отец сказал Боорчи, чтобы он готовился в нукеры, у него от радости отнялся язык. Испугавшись, что ослышался или черти подшутили над ним, он молча ждал, не смея переспросить.

— Да, ты пойдешь в нукеры, — повторил отец.

И душа Боорчи, расширившись, едва не вылетела из груди. Сжав челюсти, чтобы тут же не разразиться радостным ревом, он долго и низко кланялся отцу.

* Гутул — монгольская кожаная обувь, разновидность сапог.

Разом ему увиделась вся будущая жизнь. В то время, когда другие будут возиться со скотом, пасти коров да овец, он будет упражняться с оружием и выполнять важные поручения. Он будет носить нарядные одежды, встречать и сопровождать посольства, участвовать в играх и развлечениях нойонов.

Распаленный неожиданным счастьем, Боорчи хотел тут же надеть доспехи и ехать кланяться нойону, но отец его остановил.

— Поедешь осенью, когда будет свадьба его старшего сына. Боорчи разочарованно молчал.

— Думай головой! — рассердился тогда отец. — На свадьбе не будет отказа. Там и состязание будет, покажешь себя. Но тебе другое важно. У старого нойона только и будешь, что у входа с копьем торчать да пониже старой хатун* кланяться. А наследнику с женитьбой разрешат свой отряд содержать. Туда тебе нужно попасть! Со временем сын займет место отца, к тому времени успеешь выслужиться, сблизись с ним. Старый нойон, может, через год покинет нас, а нукеров его могут распустить. А с наследником ты на одних играх вырос. Он тебя знает, ты знаешь его; меньше будешь кланяться, больше разговаривать. Лучше дождаться самой свадьбы, тогда попадешь прямо в отряд наследника.

Нетерпение разрывало Боорчи, но он понял, как далеко смотрит его родитель. Со старым нойоном и вправду будет тяжело: гневлив он и невесел. А наследника Боорчи знает с детства, нередко и теперь с ним общается. В последний раз Боорчи встретил его, когда ездил в курень. Тот возвращался с соколиной охоты.

— Хороший у тебя конь, Боорчи, — сказал он тогда. — Если б он был не такой дикий, я бы, пожалуй, предложил тебе за него двадцать хороших коней.

— Я бы вам его и так подарил, — отвечал Боорчи. — Но мы с ним побратались кровью, теперь ни продать, ни подарить не могу.

— Это слова настоящего батора и достойны древних улигеров, — промолвил наследник и долго потом ехал в молчании.

В первые дни после отцовского решения Боорчи не мог найти себе места. Выезжал в степь и скакал против ветра,

* Хатун — госпожа (бур.-монг.).

чтобы остудить кровь в голове. Потом стал объезжать диких коней из отцовского табуна. В день, бывало, по три и по четыре коня укрощал. Потом успокоился и теперь лишь считал дни до осенней перекочевки. В хозяйстве отца работал, только чтобы день прошел побыстрее. Отец, зная об этом, не взял его на стрижку овец — толку от такого работника мало — и оставил пасти кобылиц. Но, как бы он ни терзался нетерпением, Боорчи до сих пор уверенно смотрел вперед. Как всадник на хорошем коне, на прочной опоре железных стремян, он был тверд в своих мыслях и чувствах. И вдруг он словно вылетел из седла и очутился на жесткой земле, с пустыми руками, в которых еще мгновение назад сжимал поводья, направляя размеренный бег коня.

Мечты о той жизни, до наступления которой он жадно отсчитывал дни и ночи, поблекли, как листья срубленной ветви. Речи Тэмуджина безжалостно разрушили их и развеяли, как ветер осенние листья. И теперь Боорчи знал, что той достойной великих воинов жизни там, где еще сегодня в своих грезах видел он себя, на самом деле нет. Нойоны, поближе к которым так стремился Боорчи, не могут, оказывается, устроить настоящую жизнь. Они пьянствуют и развлекаются тогда, когда нужно думать и делать. Из-за них страдает племя, не зная покоя от напастей и потрясений.

А настоящая жизнь оказалась в другом месте, там, куда указал Тэмуджин. Но эта жизнь невидима для людей, скрыта за их леностью и глупостью. Эту жизнь нужно открывать для взора соплеменников, вести их туда за руку или гнать под плетью и саблей. Сделать это трудно, будут сопротивляться и мешать те, кто построил лживую жизнь и выдаёт ее за настоящую.

Старый путь, по которому шел Боорчи, был прост и ясен, проторен многими задолго до него. Но это ложный путь. Новый путь труден и опасен. По нему еще никто не ходил, но он ведет к правильной жизни.

“Мужчина и воин не ищет легкого пути!” — безвозвратно решил Боорчи и взглянул на дымоход. Светало. Уходящие звезды одобрительно мигали ему.

Когда Тэмуджин проснулся, сумерки уже растворились в утреннем свете, в дымоход просматривалось бледное небо. Раздосадованный на себя за то, что проспал и упустил время, он быстро вышел из юрты и встал в изумлении. У коновязи

стояли два молодых подседленных коня с притороченными дорожными сумами. На ближнем черном пятилетке были его седло, узда с недоуздкой.

Сзади слышался шорох шагов. С бугорка за юртой, где возвышался одинокий куст, спускался Боорчи. Хоромго с луком, колчан и сабля висели на широком боевом ремне.

— Я помолился духам предков, испросил благословения в путь. — Боорчи подошел к каурой лошади, подтянул подпругу. — Пусть ваша кобыла отдохнет, эти кони надежнее.

— Бросаешь табун? — У Тэмуджина впервые со вчерашней их встречи посветлело лицо.

— Скоро приедут братья, а меня зовет дорога.

— Путь будет нелегок. — Тэмуджин все еще недоверчиво смотрел на него.

— Путь одолеет идущий.

Тэмуджин глубоко вздохнул, подтянул на поясе ремень, прицепил к нему хоромго, колчан, поправил мадагу. Повернувшись, он хотел взять поводья и привычным прыжком вбросить свое жилистое тело в седло, но Боорчи, придерживая коня под узды, правой рукой держал ему стремя. Тэмуджин степенно воссел на коня и, глядя далеко вперед на смыкающийся с синим небом горизонт, расправил поводья.

С места тронули рысью. Боорчи прикрикнул на увязавшихся было собак, показав им на дремавших кобылиц, на скаку пристроился к Тэмуджину по правую руку. Некоторое время ехал, приотстав от него на три шага. Тэмуджин молча указал плетью на место рядом с собой. Боорчи догнал его. Звякнуло стремя о стремя.

— Будем с тобой друзьями, — сказал Тэмуджин. — Ты мой первый нукер и помощник. Я буду это помнить.

Не сбавляя бега лошадей, они выехали на ближний холм и скрылись за его гребнем.

Придет время, и за ними пойдут тысячи, десятки и сотни тысяч. Сыновья и внуки их поведут созданные ими войска и законы по дальним просторам земли, соединят и смешают никогда не знавшие друг друга народы, примирят враждебные религии. И не будет в их стране разбойников. С золотой чашей на голове можно будет разъезжать по стране, не опасаясь грабителей.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы	3
Первый нукер Чингисхана	4
Анда	21
Рождение вождя	45
Первая охота	58
Повести	67
Волк	68
Путь к миру	145
Статьи	195
Еще раз к имени Чингисхана	196
Баргуджин-Токум – Долина Баргузина	205
Об отношении Бортэ-Чино к племени эхирит	216